

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811'111

Коммуникативные стратегии и тактики реализации «отмены» Джоан Роулинг в социальных сетях

¹ Мирзаева Д.У.,

¹ Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Аннотация: в данной статье проводится лингвистический анализ коммуникативных стратегий и тактик, реализуемых в рамках феномена «отмены» (cancel culture) на примере кейса Джоан Роулинг. Цель исследования – выявить и систематизировать механизмы языкового воздействия, направленные на формирование коллективного негативного нарратива и социальную стигматизацию личности в цифровой среде. В фокусе внимания находятся стратегии дискредитации, морального осуждения, поляризации и амплификации, которые реализуются через конкретные тактики: навешивание стигматизирующих ярлыков, манипуляцию цитатами, использование эмоционально заряженной лексики и создание бинарных оппозиций. Исследование демонстрирует, как цифровые платформы, их алгоритмы и практики коллективной модерации усиливают воздействие этих стратегий, сужая пространство для рациональной дискуссии и способствуя радикализации публичного диалога. Практическая значимость работы заключается в возможности применения её результатов для развития медиаграмотности, совершенствования моделей цифровой коммуникации, а также для выработки этических стандартов модерации контента, направленных на поддержание баланса между свободой выражения мнения и необходимостью защиты уязвимых групп в цифровую эпоху.

Ключевые слова: культура отмены, цифровой дискурс, дискурсивная стратегия, волна критики в соцсетях, негативные пресуппозиции, гиперболизация, алгоритмическое усиление

Для цитирования: Мирзаева Д.У. Коммуникативные стратегии и тактики реализации «отмены» Джоан Роулинг в социальных сетях // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 6. С. 190 – 198.

Поступила в редакцию: 20 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

Communicative strategies and tactics of Joanne Rowling's cancellation in social media

¹ Mirzaeva D.U.,

¹ National Research University Higher School of Economics

Abstract: this article conducts a linguistic analysis of the communicative strategies and tactics employed within the phenomenon of "cancel culture", using the case of Joan Rowling as an example. The study aims to identify and systematize the mechanisms of linguistic influence aimed at shaping a collective negative narrative and the social stigmatization of an individual in the digital environment. The focus is on the strategies of discrediting, moral condemnation, polarization, and amplification, which are realized through specific tactics such as applying stigmatizing labels, manipulating quotes, using emotionally charged language, and creating binary oppositions. The research demonstrates how digital platforms, their algorithms, and collective moderation practices amplify the impact of these strategies, narrowing the space for rational debate and contributing to the radicalization of public discourse. The practical significance of the work lies in the potential application of its findings for developing media literacy, improving models of digital communication, and formulating ethical standards for content moderation aimed at maintaining a balance between freedom of expression and the need to protect vulnerable groups in the digital age.

Keywords: cancel culture, digital discourse, discourse strategies, social media backlash, negative presuppositions, hyperbolization, algorithmic amplification

For citation: Mirzaeva D.U. Communicative strategies and tactics of Joanne Rowling's cancellation in social media. Philological Bulletin. 2025. 4 (6). P. 190 – 198.

The article was submitted: September 20, 2025; Approved after reviewing: November 17, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Феномен «отмены» (*cancel culture*), ставший одним из ключевых элементов современного публичного дискурса, отражает трансформацию коммуникативных практик в условиях цифровой эпохи [1, 3]. Этот феномен, предполагающий коллективное осуждение и социальное исключение личности за её взгляды или действия [12], приобрел особую актуальность в контексте скандала вокруг Джоан Роулинг – автора всемирно известной серии романов о Гарри Поттере. С 2020 года Роулинг оказалась в эпицентре масштабной публичной кампании, спровоцированной её высказываниями о гендерной идентичности и правах трансгендерных людей. Её твиты и эссе «TERF-войны» (2021), где она выразила обеспокоенность размыvанием категории биологического пола как категории и защитила право женщин на идентичность, были интерпретированы как проявление трансфобии. Это привело к многочисленным призывам к бойкоту её творчества, разрыву сотрудничества с актёрами франшизы «Гарри Поттера» и ее стигматизации в медиа [14]. Данный кейс представляет собой не просто конфликт мнений, но сложный коммуникативный процесс, в котором используются стратегии, направленные на формирование коллективного негативного нарратива.

В рамках данной статьи предлагается анализ феномена «отмены» Роулинг через призму коммуникативных механизмов, направленных на публичное вытеснение писательницы из дискурса. В частности, анализируются коммуникативные стратегии дискредитации, морального осуждения, поляризации и амплификации [2], так как они систематически применяются для достижения конкретных целей – от подрыва авторитета человека до радикализации общественного мнения. Например, дискредитация реализуется через навешивание стигматизирующих ярлыков («трансфоб»), манипуляцию цитатами и апелляцию к непроверенным фактам. Моральное осуждение трансформирует рациональную дискуссию в этическую дилемму, где несогласие с большинством приравнивается к аморальности. Поляризация, усиленная алгоритмами социальных сетей, делит аудиторию на «прогрессивных» и «консервативных», исключая возможность компромисса. Амплификация же закрепляет образ Роулинг как символа угрозы через

гиперболизацию, эмоциональную лексику и выборочное цитирование.

Наряду с коммуникативными стратегиями, необходимо учесть среду, в которой разворачивается анализируемый кейс, так как она влияет на использование тех или иных стратегий [2, 9]. Алгоритмы цифровых платформ, оптимизированные под вовлечение аудитории в обсуждение, продвигают конфликтный контент и сужая пространство для аргументации [5]. Коллективная модерация, включая массовые жалобы и запрет отдельных пользователей или групп людей, превращается в инструмент подавления инакомыслия, что противоречит принципам открытого диалога [15]. В результате публичная сфера всё чаще функционирует в логике бинарных оппозиций, где побеждает не обоснованная позиция, а та, которая лучше адаптирована к технологическим особенностям платформ.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы раскрыть, как коммуникативные стратегии и тактики формируют феномен «отмены», на примере кейса Джоан Роулинг, а также показать, как цифровые технологии усиливают их воздействие. В статье доказывается, что «культура отмены» – это не спонтанная реакция, а структурированный процесс, где язык становится инструментом власти, а эмоции заменяют рациональную критику. Анализ данного кейса важен для понимания этических и коммуникативных вызовов цифровой эпохи, где баланс между свободой выражения и социальной ответственностью требует переосмысления роли платформ, прозрачности алгоритмов и этики публичного диалога.

Материалы и методы исследований

В основе исследования лежит качественный анализ кейса Джоан Роулинг в социальных сетях. Материалом для анализа послужили публичные высказывания писательницы в социальных сетях, а также реакция на них в социальных сетях. Методологической основой выступила теория коммуникативных стратегий и тактик О. Иссерса [2]. Анализ проводился путем идентификации конкретных речевых действий и языковых средств в собранном материале и их последующей классификации в соответствии с речевыми тактиками, предложенными Иссерсом.

В современной лингвистике и теории коммуникации понятия «коммуникативная стратегия» и

«коммуникативная тактика» занимают центральное место в анализе речевого взаимодействия. В соответствии с концепцией О. Иссерс (2008), коммуникативная стратегия представляет собой системный план, направленный на достижение конкретных целей в процессе общения. Она реализуется через совокупность тактик – конкретных речевых приёмов, которые обеспечивают выполнение стратегических задач. Таким образом, стратегия определяет общую направленность коммуникативного воздействия, в то время как тактика выступает инструментом её оперативной реализации. В контексте механизма «культуры отмены» будут исследованы несколько стратегий.

Результаты и обсуждения

Дискредитация как коммуникативная стратегия представляет собой систематический инструмент подрыва авторитета оппонента через атаку на его профессиональную, моральную или личностную компетентность. Как отмечает О.С. Иссерс, данная стратегия направлена на достижение нескольких взаимосвязанных целей: ослабление репутации объекта, подрыв его аргументативной базы, формирование негативного имиджа в глазах аудитории и манипуляцию восприятием через активацию стереотипов или эмоциональных реакций. Реализация этих целей осуществляется посредством ряда тактик, которые, несмотря на разнообразие контекстов, демонстрируют структурное единство.

Одним из ключевых инструментов дискредитации стало навешивание на Роулинг стигматизирующих ярлыков, в частности, обвинений в «трансфобии», направленных на маргинализацию писательницы. Несмотря на её неоднократные попытки прояснить свою позицию, СМИ и активисты в социальных сетях систематически характеризовали её высказывания как враждебные по отношению к трансгендерным персонам. Например, The Guardian неоднократно использует прилагательное “трансфобная” (“transphobic”) для описания писательницы и ее деятельности, хотя сама писательница подчёркивала, что критикует не идентичность транслюдей, а отдельные аспекты гендерной политики, которые, по её мнению, угрожают правам женщин. В частности, она говорит: “Never have I seen women denigrated and dehumanised to the extent they are now... men across the political spectrum seem to agree: women are asking for trouble. Everywhere, women are being told to shut up and sit down” (“Никогда я не видела, чтобы женщины унижали и обесчеловечивали так, как сейчас..., мужчины всего политического спектра, похоже, согласны: женщины нарываются на неприятности. Повсюду женщинам говорят заткнуться и сесть”).

Еще одна тактика – это апелляция к непроверенным фактам и распространение неподтверждённой информации для создания атмосферы подозрительности. В частности, Роулинг часто приписывают связи с маргинальными группами, якобы выступающими против трансгендерных прав. Критики утверждали, что её взгляды косвенно поддерживают «антитрансгендерные движения», хотя сама она неоднократно опровергала подобные обвинения. В своём развёрнутом эссе 2020 года Роулинг прямо заявила, что её позиция направлена на защиту прав женщин, а не на отрицание прав трансгендерных людей. Она пишет: “‘Woman’ is not a costume. ‘Woman’ is not an idea in a man’s head. ‘Woman’ is not a pink brain, a liking for Jimmy Choos or any of the other sexist ideas now somehow touted as progressive. Moreover, the ‘inclusive’ language that calls female people ‘menstruators’ and ‘people with vulvas’ strikes many women as dehumanising and demeaning. I understand why trans activists consider this language to be appropriate and kind, but for those of us who’ve had degrading slurs spat at us by violent men, it’s not neutral, it’s hostile and alienating” (“«Женщина» – это не костюм. «Женщина» – это не идея в голове мужчины. «Женщина» – это не розовый мозг, симпатия к Джимми Чу или любые другие сексистские идеи, которые теперь как-то рекламируются как прогрессивные. Более того, «инклузивный» язык, называющий женщин «менструаторами» и «людьми с вульвами», производит дегуманизирующее и унизительное впечатление о женщинах. Я понимаю, почему транс-активисты считают этот язык уместным и добрым, но для тех из нас, кто считает нашим наследием унизительные оскорблении, он не нейтрален, он враждебный и чужой”). Тем не менее, этот нюанс часто игнорировался в публичных дискуссиях, что способствовало формированию искажённого восприятия её взглядов.

Тактика манипуляции контекстом и избирательного цитирования направлена на искажение исходного смысла высказываний. Так, фразы Роулинг изымались из исходного контекста и представлялись в более радикальном свете. Например, её фраза – “If sex is not real, there is no attraction to the same sex. If sex is not real, the lived reality of women globally is erased” («если биологический пол не реален, то исчезает реальная жизнь женщин») – была интерпретирована как отрицание гендерной идентичности трансгендеров, хотя в оригинальном тексте писательница обсуждала потенциальные последствия отказа от биологического критерия пола в женских пространствах. Подобная манипуляция привела к тому, что её аргу-

менты воспринимались вне рамок заявленной ею идеи безопасности и прав женщин.

Еще одной тактикой является аргумент *ad hominem*, которая фокусируется на личностных качествах оппонента. В кейсе Джоан Роулинг эта тактика была использована через публичное объявление Роулинг персоной, враждебной по отношению к ЛГБТК+-сообществу. Организация GLAAD включила её в список «анти-трансгендеров», обвинив в «подрыве прав трансгендеров». Подобные заявления, несмотря на их декларативный характер, оказали значительное влияние на её репутацию, поскольку они не только маргинализировали её позицию, но и представляли её как фигуру, чьи взгляды выходят за рамки приемлемого публичного дискурса. На странице писательницы на сайте организации также представлен список ее действий, которые организация признала трансфобными. Например, она неверно определила гендер журналистки-трансгендера Индии Уиллоуби и обвинила ее в «косплее женоненавистнической фантазии о том, что такое женщина» (Misgendered U.K. transgender journalist India Willoughby and accused her of “cosplaying a misogynistic male fantasy of what a woman is”).

Стратегия морального осуждения, направленная на маргинализацию позиции Джоан Роулинг в дискуссиях о гендерной идентичности, представляет собой комплекс риторических приёмов, апеллирующих к этическим нормам для формирования публичного консенсуса против её взглядов. Эта стратегия, в отличие от прямой дискредитации, фокусируется на создании нарратива, в котором критика Роулинг преподносится как моральный императив, а несогласие с ней – как нарушение социально приемлемых границ. Основные тактики включают использование оценочной лексики, генерализацию, конструирование бинарных оппозиций и апелляцию к коллективной ответственности, что в совокупности формирует атмосферу публичного порицания.

Ключевым элементом стратегии стала тактика использования оценочной лексики и эмоционально заряженных терминов, призванных вызвать моральное отторжение к позиции Роулинг. Например, в материале Vox её высказывания были охарактеризованы как «опасные» (*dangerous*), «ненавистнические» (*hateful*), «болезненные» (*painful*), «проблематичные» (*problematic*), «вопиющие» (*blatant*), «эмоционально оскорбительные» (*emotionally abusive*), «истерическая риторика» (*hysteria-based rhetoric*), что не только упростило сложность её аргументов, но и активизировало эмоциональную реакцию аудитории. Такая лексика выполняет двойную функцию: во-первых, она

маркирует её позицию как социально неприемлемую, а во-вторых, переводит дискуссию из рациональной плоскости в моральную, где оппонент автоматически становится «аморальным» субъектом.

Для усиления эффекта осуждения критика Роулинг была вписана в более широкий контекст «системной трансфобии» через тактику генерализации и связи с другими социальными проблемами. Так, новостной портал Deadline приводит слова Бамби Сальседо, генерального директора Translatin@ Coalition: «Что бы ни говорил создатель Гарри Поттера, это влияет на то, как думают люди», – сказал Сальседо. «Важно, чтобы лица, принимающие решения, действительно понимали, как их действия потенциально могут превратиться в насилие для наших сообществ». В результате Джоанн Роулинг представлена не как самостоятельный критик, а как воплощение структурной угрозы. Эта тактика позволяет трансформировать индивидуальные взгляды в часть коллективной проблемы, что усиливает давление на аудиторию: несогласие с Роулинг становится не просто мнением, а актом сопротивления системной несправедливости.

Тактика бинарной оппозиции использует искусственные дилеммы, что в кейсе Джоанн Роулинг прослеживается в пространстве социальных сетей. Социальные сети являются площадкой для искусственного конструирования упрощённых противопоставлений, которые сводят сложную дискуссию к конфликту между «прогрессивными ценностями» и «трансфобией» [10]. Ярким примером стали хэштеги вроде #RIPJKRowling, которые не только «хоронят» писательницу, но и навязывают аудитории выбор между двумя полюсами: поддержкой ЛГБТК+ или солидарностью с «устаревшими» взглядами [14]. Такие оппозиции исключают возможность диалога, заменяя его моральным ярлыком, где любая попытка критического анализа приравнивается к предательству «прогрессивного сообщества».

Тактика апелляции к коллективной ответственности основана на идеи общего морального долга отвергать тех, кто «подрывает права меньшинств». Например, активисты и медиа настойчиво подчёркивали, что настоящие союзники ЛГБТК+ должны публично дистанцироваться от Роулинг. Эта тактика была усиlena заявлениями знаковых фигур, таких как Дэниел Рэдклифф, который осудил её позицию, заявив: «Трансгендерные женщины – это женщины». Подобные заявления создали precedent, при котором молчание или нейтралитет расценивались как соучастие в «моральном преступлении», вынуждая даже нейтрально настроен-

ных людей занимать радикальную позицию в публичном пространстве.

Таким образом, стратегия морального осуждения привела к нескольким значимым последствиям. Во-первых, она сузила пространство для публичной дискуссии, превратив сложные вопросы гендерной идентичности и прав женщин в табуированную тему. Во-вторых, она спровоцировала эффект «спирали молчания» [11], когда люди, разделяющие сомнения Роулинг, избегали их выражения из-за страха социальной изоляции. В-третьих, акцент на моральной оценке заменил рациональную аргументацию, что подрывает основы демократического диалога, требующего критического анализа, а эмоционального давления.

Стратегия поляризации служит инструментом манипуляции общественным сознанием, позволяя говорящему упрощать сложные социальные проблемы через бинарные категории (добро/зло, прогрессивные/консервативные), мобилизовать эмоциональную поддержку своей позиции, а также отвлекать внимание от внутренних противоречий группы, перенося акцент на внешнюю угрозу. В кейсе Джоанн Роулинг данная стратегия направлена на радикальное разделение общественного мнения в отношении позиции Роулинг по гендерным вопросам на два противоположных лагеря: «сторонников транс-прав» и «защитников Роулинг». Данная стратегия, реализуемая через создание образа врага, использует коллективную идентичность и апелляцию к эмоциональным реакциям, трансформирует сложный социальный диалог в упрощённое противостояние, исключающее возможность компромисса.

Центральным элементом стратегии стала тактика конструирования образа врага. В частности, произошло формирование устойчивого образа Роулинг как символической угрозы трансгендерному сообществу. В цифровой среде, особенно на платформе Twitter, этот процесс осуществлялся через визуальные и текстовые мемы, демонизирующие писательницу. Например, распространение сравнений с Волдемортом и Долорес Амбридж: “I want to see the real Harry Potter villain. I said the real Harry Potter villain. Perfection” (“Я хочу увидеть настоящего злодея в Гарри Поттере. Я сказал, настоящего злодея. Идеально”). Этот мем выполнял двойную функцию: во-первых, он отсылал к созданным Роулинг литературным антагонистам, усиливая эффект иронии, а во-вторых, приравнивал её позицию к абсолютному злу в рамках нарратива о правах ЛГБТК+. Помимо этого, формат мема облегчал массовую циркуляцию упрощённых интерпретаций её взглядов, сводя сложную

дискуссию к эмоционально заряженному противостоянию.

Поляризация усиливалась за счёт тактики апелляции к групповой принадлежности, когда издания открыто призывали аудиторию занять ту или иную сторону, создавая иллюзию, что нейтральная позиция в этом вопросе морально неприемлема. One Colorado пишет: “... the testimonies shared in support were reflective of the larger anti-trans ideology being used to take away *our* rights across the country. The things that celebrities, politicians, and news outlets share have real and profound impacts on the health and safety of *our* communities. It is up to *us* to hold them accountable and continue to move towards a more safe and accepting state and nation” (“...свидетельства отражают более широкую антитранс-идеологию, которая используется, чтобы лишить *нас* прав по всей стране. То, чем делятся знаменитости, политики и новостные издания, оказывает реальное и глубокое влияние на здоровье и безопасность *наших* сообществ. Именно *мы* должны призвать их к ответу и продолжать двигаться к более безопасному и принимающему государству и нации”). Эта тактика опиралась на механизм социального давления, при котором отказ от публичного осуждения Роулинг интерпретировался как молчаливая поддержка «трансфобии». В результате дискуссия была перенесена из плоскости рациональной аргументации в сферу идентичностной политики, где ценность аргументов определялась не их логикой, а соответствием «правильной» групповой позиции.

Особую эффективность стратегии обеспечило использование тактики эмоциональной мобилизации через нарративы потенциального вреда, который высказывания Роулинг могли нанести уязвимым группам, особенно трансгендерной молодёжи. Примером может служить позиция благотворительной организации Mermaids, поддерживающей транс-детей и молодежь. Mermaids заявляла, что риторика Роулинг ставит под угрозу жизни, трансформируя абстрактные дебаты о гендерной политике в вопрос физической безопасности. Подобные утверждения, несмотря на отсутствие прямых доказательств причинно-следственной связи между её словами и конкретными случаями насилия, выполняли важную функцию: они переводили дискуссию в эмоциональную плоскость, где любая попытка критического анализа воспринималась как соучастие в возможных трагедиях. Этот приём «аргумент от последствий» позволял сторонникам поляризации маргинализировать альтернативные точки зрения без необходимости их опровержения.

Поляризационный подход к обсуждению позиции Роулинг привёл к нескольким значимым последствиям для публичной сферы. Во-первых, он способствовал радикализации дискурса, при котором умеренные голоса, пытавшиеся сохранить баланс между защитой прав женщин и трансгендерных людей, оказывались маргинализированы с обеих сторон. Во-вторых, стратегия спровоцировала эффект «спирали молчания» в социальных медиа, о котором было упомянуто ранее, где пользователи всё чаще взаимодействовали только с единомышленниками, усиливая взаимное отчуждение групп. В-третьих, акцент на эмоциональных аргументах подрывал саму возможность продуктивного диалога, так как участники переставали воспринимать оппонентов как носителей легитимных, хотя и отличных, ценностей.

Стратегия амплификации направлена на усиление значимости определённых аспектов сообщения через языковые и риторические средства. Эта стратегия используется для акцентуации ключевых идей, эмоций или оценок, что позволяет говорящему управлять вниманием аудитории, формировать нужные ассоциации или манипулировать восприятием реальности. Стратегия опирается на принципы усиления, которые позволяют гиперболизировать значимость событий (например, преувеличивать угрозы или достижения), фокусировать внимание на конкретных деталях, игнорируя контекст, создавать эмоциональный резонанс через повторение, метафоры или оценочную лексику. В случае Джоан Роулинг стратегия амплификации основана на усиении восприятия Роулинг как центральной фигуры, угрожающей правам трансгендеров. Она сочетает манипуляцию информацией, эмоциональную эксплуатацию и семантическое искажение и трансформирует её критику отдельных аспектов гендерной политики в символ системной «трансфобии». Ключевыми инструментами становятся повторение, гиперболизация, использование эмоционально заряженной лексики и селективная детализация, которые в совокупности формируют упрощённый, но устойчивый образ «врага прогресса».

Тактика многократного повторения имени Роулинг в контексте гендерных «скандалов», даже при отсутствии её прямой вовлечённости, служит для создания иллюзии её повсеместного влияния. Например, *The Independent* (2023) связал её с дебатами о гендерных квотах в Шотландии, хотя её участие в этих дискуссиях было минимальным. В статье писательнице называют «автором и выдающимся анти-трансактивисткой», что формирует у аудитории ложную причинно-следственную связь. Таким образом, Роулинг превращается в «универ-

сальный символ» сопротивления транс-правам, даже когда её реальная роль в конкретных событиях минимальна.

Тактика преувеличения значимости высказываний Роулинг достигается через присвоение им статуса экзистенциальной опасности. Издание *The Medium* охарактеризовало согласие с позицией Роулинг следующим образом: «Любой, кто отстаивает права трансгендеров, является частью подлого заговора, чтобы превратить детей в сексуальных извращенцев и создать условия для насилия над цисгендерными женщинами в общественных туалетах» (“anyone who champions trans rights is part of a dastardly plot to turn children into sex perverts and allow cisgender women to be raped in public restrooms”). Такая гипербола выполняет две функции: во-первых, она драматизирует дискуссию, привлекая внимание через сенсационализацию, а во-вторых, маргинализирует умеренные интерпретации её взглядов, вынуждая аудиторию воспринимать их исключительно через призму катастрофизма.

Тактика использования слов, активизирующих моральное отторжение, позволяет трансформировать сложные аргументы в объект эмоционального неприятия. Так, *BuzzFeed* (2021) назвал её идеи “hateful, bigoted rhetoric” (“ненавистной, фанатичной риторикой”) несмотря на отсутствие в тексте прямых призывов к дискриминации. Подобная риторика эксплуатирует механизмы «аффективной поляризации», при которых рациональный анализ подменяется инстинктивной реакцией на стигматизированные ярлыки. Эмоциональная лексика также выполняет роль «семантического барьера», препятствующего критическому анализу исходного текста: читатель, столкнувшись с определением «ненавистнический», склонен априори отвергать содержание, не утруждая себя его верификацией.

Тактика детализации включает в себя избирательный фокус на отдельных элементах высказываний Роулинг при игнорировании их общего контекста. Например, её твит о «людях, которые менструируют» был представлен как попытка «отрицать транс-идентичности», хотя в оригинале он был частью дискуссии о биологическом поле и его роли в защите женских прав. Таким образом, подобная тактика искажает смысл через вырывание фраз из структурной связи с аргументацией. Акцент на отдельных формулировках позволяет критикам намеренно избегать основные тезисы Роулинг, сводя полемику к обсуждению семантических «маркеров ненависти».

Реализация данной стратегии имеет несколько значимых последствий. Во-первых, она сужает

пространство для детальной дискуссии о балансе прав различных групп, заменяя её упрощённым противостоянием «прогресс vs. фанатизм». Во-вторых, происходит «эффект ореола», при котором любое высказывание Роулинг автоматически интерпретируется через призму созданного медиаобраза, независимо от его содержания. В-третьих, гипертрофированный фокус на одной фигуре отвлекает внимание от системных проблем, таких как законодательные пробелы или насилие против трансгендеров, подменяя их борьбой с символическим «врагом».

Современные цифровые платформы радикально трансформируют механизмы публичной коммуникации, создавая новые условия для формирования и распространения дискурсов. Эффективность коммуникативных стратегий сегодня напрямую коррелирует с выбором каналов передачи информации, их техническими особенностями и социальной динамикой [5, 8]. В случае с Роулинг это привело к гипервизуализации крайних позиций: радикальные интерпретации её слов, сопровождаемые яркими хештегами и мемами, получали приоритет в лентах пользователей. Тем самым алгоритмы не только усилили конфликтный потенциал дискуссии, но и способствовали формированию «эмоциональных эхокамер» [9], где рациональная аргументация вытеснялась морализаторскими нарративами. Этот процесс иллюстрирует парадокс цифровой публичной сферы: стремление к максимальной видимости контента оборачивается сужением спектра допустимых мнений.

Не менее значимую роль сыграл феномен коллективной модерации, проявившийся в массовой блокировке аккаунтов сторонников Роулинг. Если традиционные теории публичной сферы [7, 8] предполагали равенство участников дискуссии, то в цифровом пространстве право на голос определяется как техническими правилами платформ, так и активностью пользовательских сообществ. Практики «отмены» и жалобы на контент как инструменты подавления инакомыслия превратили модерацию в форму цифрового активизма. Однако, подобная «народная цензура» часто приводит к гиперкоррекции, когда под давлением большинства маргинализируются не только вредоносные, но и умеренные точки зрения. В результате пространство дискуссии сужается до бинарной оппозиции «приемлемое/неприемлемое», что противоречит принципам демократического диалога [16, 13].

Эти процессы требуют переосмысления традиционных коммуникативных моделей. Ситуация с Роулинг демонстрирует, что в цифровой среде успех стратегии зависит не столько от содержания

сообщения, сколько от его способности адаптироваться к логике платформ [3]. Как показывает теория возможностей [4; 6], цифровые среды создают специфические «возможности для действия»: например, твиттер с его ограничением на количество знаков поощряет упрощённые, эмоционально окрашенные высказывания. Следовательно, коммуниканты вынуждены балансировать между оригинальным посылом и требованиями алгоритмической виральности, что нередко приводит к упрощению сложных идей [17, 18].

Таким образом, цифровая среда не является нейтральным «передатчиком» информации, она активно формирует правила коммуникации, задавая новые границы допустимого и значимого. Кейс Роулинг иллюстрирует переход от дискуссии как обмена аргументами к конфликту нарративов, где побеждает не наиболее обоснованная, а наиболее технологически адаптированная позиция. Это требует разработки новых исследовательских подходов, синтезирующих лингвистический анализ коммуникативных стратегий с изучением технической инфраструктуры платформ. Только понимая симбиоз социальных и алгоритмических факторов, можно прогнозировать динамику публичных дискуссий в цифровую эпоху.

Выводы

Феномен «отмены» Джоан Роулинг, возникший на фоне её высказываний о гендерной идентичности, демонстрирует, как современные коммуникативные стратегии трансформируют публичный дискурс в условиях цифровой эпохи. Анализ кейса выявил системное применение таких тактик, как дискредитация (стигматизация через ярлыки, манипуляция цитатами), моральное осуждение (подмена рациональной критики этической дилеммой), поляризация (искусственное разделение на «прогрессивных» и «консервативных») и амплификация (гиперболизация угрозы). Эти механизмы не только формируют коллективный негативный нарратив, но и радикализируют аудиторию, сводя сложные социальные вопросы к бинарным противостояниям.

Ключевую роль в усилении данных стратегий играют цифровые платформы. Алгоритмы, ориентированные на вовлечение аудитории в скандал, продвигают конфликтный контент, сужая пространство для детализированной дискуссии. Коллективная модерация, включая массовые жалобы и блокировки, превращается в инструмент подавления инакомыслия, что противоречит принципам открытого диалога. В результате публичная сфера всё чаще функционирует по логике эмоциональных манипуляций, где доминируют упрощённые нарративы, а не критический анализ.

Последствия этих процессов для общества многогранны: маргинализация умеренных голосов, усиление «спирали молчания», подмена аргументированной полемики морализаторством. Кейс Роулинг актуализирует этические дилеммы цифровой эпохи, требующие переосмысления баланса между свободой выражения, социальной ответственностью и прозрачностью технологических платформ. Для сохранения демократического диалога необходимо развитие механизмов, обеспечивающих

плюрализм мнений, критическую рефлексию и защиту уязвимых групп без подавления конструктивной дискуссии. Данное исследование подчёркивает важность интеграции лингвистического анализа коммуникативных стратегий с изучением алгоритмической инфраструктуры, что позволит глубже понять динамику публичных конфликтов в современном цифровом пространстве.

Список источников

1. Дашинимаев Г. Cancel culture как новая социальная реальность // Вестник БГУ. 2021. № 1. С. 19 – 24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/cancel-culture-kak-novaya-sotsialnaya-realnost> (дата обращения: 01.07.2025)
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.:Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
3. Субботина М. Культура отмены: проявление социальной справедливости или новый инструмент манипуляции // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 3 (95). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-otmeny-proyavlenie-sotsialnoy-spravedlivosti-ili-novyy-instrument-manipulyatsii> (дата обращения: 01.07.2025)
4. Evans N., Phua J., Lim J., Jun H. Disclosing Instagram Influencer Advertising: The Effects of Disclosure Language on Advertising Recognition, Attitudes, and Behavioral Intent // Journal of Interactive Advertising. 2017. Vol. 17. P. 138 – 149.
5. Forestal J. Social Media, Social Control, and the Politics of Public Shaming // American Political Science Review. 2024. Vol. 118. № 4. P. 1704 – 1718.
6. Gibson J.J. The Theory of Affordances // The Ecological Approach to Visual Perception. Boston: Houghton Mifflin, 1979.
7. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 1962.
8. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge, MA: The MIT Press, 1991. 326 p.
9. Ng E. No Grand Pronouncements Here... Reflections on Cancel Culture and Social Media Participation // Television & New Media. 2020. Vol. 21. № 6. P. 621 – 627.
10. Nkrumah D. Managing Online Reputation in the Age of Cancel Culture // Journal of Public Relations. 2024. Vol. 12. № 1. P. 45 – 62.
11. Noelle-Neumann E. The Spiral of Silence. Chicago: University of Chicago Press, 1984.
12. Norris P. Cancel Culture: Myth or Reality? // Political Studies. 2023. Vol. 71. № 1. P. 145 – 174.
13. Picarella L. Intersections in the digital society: cancel culture, fake news, and contemporary public discourse. Frontiers in Sociology. 2024. Vol. 9. P. 1 – 10.
14. Ravell H. #RIPJKRowling: A tale of a fandom, Twitter and a haunting author who refuses to die // Public Relations Inquiry. 2023. Vol. 12. № 3. P. 239 – 270.
15. Semenova O.F. Cancel Culture – the Speech Behavior of Modern Society. Review of Business and Economics Studies. 2023. Vol. 11. № 2. P. 34 – 42.
16. Van Dijck J., Poell T. Understanding Social Media Logic // Media and Communication. 2013. Vol. 1. № 1. P. 2 – 14.
17. Wihbey J. The Social Fact: News and Knowledge in a Networked World // European Journal of Communication. 2020. Vol. 35. № 3. P. 318.
18. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York, NY: Public Affairs, 2019. 704 p.

References

1. Dashinimaev G. Cancel culture as a new social reality. Bulletin of BSU. 2021. No. 1. P. 19 – 24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/cancel-culture-kak-novaya-sotsialnaya-realnost> (date of access: 01.07.2025)
2. Issers O.S. Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moscow: LKI Publishing House, 2008. 288 p.
3. Subbotina M. Cancel culture: a manifestation of social justice or a new tool of manipulation. Society: sociology, psychology, pedagogy. 2022. No. 3 (95). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-otmeny-proyavlenie-sotsialnoy-spravedlivosti-ili-novyy-instrument-manipulyatsii> (date of access: 07.01.2025)
4. Evans N., Phua J., Lim J., Jun H. Disclosing Instagram Influencer Advertising: The Effects of Disclosure Language on Advertising Recognition, Attitudes, and Behavioral Intent. Journal of Interactive Advertising. 2017. Vol. 17. P. 138 – 149.
5. Forestal J. Social Media, Social Control, and the Politics of Public Shaming. American Political Science Review. 2024. Vol. 118. No. 4. P. 1704 – 1718.
6. Gibson J.J. The Theory of Affordances. The Ecological Approach to Visual Perception. Boston: Houghton Mifflin, 1979.
7. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 1962.
8. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge, MA: The MIT Press, 1991. 326 p.
9. Ng E. No Grand Pronouncements Here... Reflections on Cancel Culture and Social Media Participation. Television & New Media. 2020. Vol. 21. No. 6. P. 621 – 627.
10. Nkrumah D. Managing Online Reputation in the Age of Cancel Culture. Journal of Public Relations. 2024. Vol. 12. No. 1. P. 45 – 62.
11. Noelle-Neumann E. The Spiral of Silence. Chicago: University of Chicago Press, 1984.
12. Norris P. Cancel Culture: Myth or Reality? Political Studies. 2023. Vol. 71. No. 1. P. 145 – 174.
13. Picarella L. Intersections in the digital society: cancel culture, fake news, and contemporary public discourse. Frontiers in Sociology. 2024. Vol. 9. P. 1 – 10.
14. Ravell H. #RIPJKRowling: A tale of a fandom, Twitter and a haunting author who refuses to die. Public Relations Inquiry. 2023. Vol. 12. No. 3. P. 239 – 270.
15. Semenova O.F. Cancel Culture – the Speech Behavior of Modern Society. Review of Business and Economics Studies. 2023. Vol. 11. No. 2. P. 34 – 42.
16. Van Dijck J., Poell T. Understanding Social Media Logic. Media and Communication. 2013. Vol. 1. No. 1. P. 2 – 14.
17. Wihbey J. The Social Fact: News and Knowledge in a Networked World. European Journal of Communication. 2020. Vol. 35. No. 3. P. 318.
18. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York, NY: Public Affairs, 2019. 704 p.

Информация об авторе

Мирзаева Д.У., Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

© Мирзаева Д.У., 2025